

УДК 115

Философия и эффективность: случай немецкого идеализма¹

Куприянов Виктор Александрович

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5;

e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема оценки эффективности науки и конкретизируется понятие научной эффективности. Посредством метода исторического анализа ранее малоизученных аспектов философии И.Г. Фихте в статье предпринимается попытка раскрыть тот сущностный смысл понятия науки, который неизбежно игнорируется наукометрией. И.Г. Фихте доказывал, что в основе философской деятельности лежит смутное чувство, или гений. Гений выполняет в науке роль регулятивного принципа, направляющего философское познание в сторону истины, что сближает философию как науку с искусством. Поэтому в основе философии как науки, так же как и в основе науки как таковой, лежит требование гениальности. Это роднит философию с искусством и дает основание для понимания науки как прежде всего творческой активности познающего субъекта. Гениальность оказывается главным отличительным критерием подлинной науки и, следовательно, эффективности работы ученого. Это означает, что наукометрия годится только лишь как вспомогательное средство сбора и анализа информации, облегчающее научную коммуникацию. В таком случае понятие эффективности наполняется тем содержанием, которое в полной мере отражает сущность научного творчества. Система оценки эффективности должна быть построена на экспертных заключениях людей, обладающих соответствующими способностями и признанных по этому критерию научным сообществом. Полученные выводы могут оказаться актуальными для философии и методологии науки, а также могут быть использованы в сфере научного менеджмента для выработки необходимых и целесообразных управленческих решений.

Для цитирования в научных исследованиях

Куприянов В.А. Философия и эффективность: случай немецкого идеализма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5. № 5А. С. 64-74.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта, поддержанного РГНФ, «Проблема эффективности научных исследований: философский и исторический контексты» (Проект № 15-03-00572).

Ключевые слова

Эффективность, немецкая философия, философия, наукометрия, оценка, гуманитарные науки.

Введение

В последние десятилетия научное сообщество все чаще сталкивается с проблемой оценки эффективности своей работы. Различные административные структуры разрабатывают разного рода методики оценки научной работы. При этом в основу этих методик чаще всего закладываются количественные показатели, легко перелагаемые на математический язык. Введение такого рода механизмов оценки объясняется стремлением управлять наукой и образованием, опираясь на логику экономической деятельности, сущность которой сводится к эффективности, понимаемой как соотношение стоимости конечного продукта и сил, затраченных на его производство. Однако зададимся вопросом, насколько подобная интерпретация эффективности доступна для ее прямого переноса из сферы экономики в сферу науки? Насколько научная деятельность поддается количественному анализу? В литературе по этой теме ранее, так или иначе, отмечалось, что наукометрия как основной инструмент оценки эффективности не отражает ни качество научной работы, ни сущность науки как таковой, тем более что наукометрические методы зачастую не учитывают также и специфики отдельных наук [Мотрошилова, 2012]. Основным тезисом этой статьи будет идея о том, что наукометрия как методика количественной оценки научной деятельности просто *обречена* на то, чтобы не давать истинного анализа науки. Причина этого заключается в том, что в основе науки как духовной деятельности и как проявления внутренней свободы лежит принципиально нерационализируемое и неизмеримое начало. В таком случае проблема наукометрии – это проблема понимания науки. Относительно же понятия эффективности следует вслед за Б. Ридингсом отметить, что «...повсеместная применимость данного понятия напрямую связана с его пустотой» [Ридингс, 2010, 42], и поэтому понятие эффективности способно наполняться любым содержанием – дело в данном случае не в использовании понятия эффективности применительно к науке, а в том, как мы понимаем науку, когда тем или иным способом формируем критерии для оценки ее эффективности. Таким образом, конечной целью статьи является прояснение понятия науки и наполнение понятия «эффективность науки» содержанием, близким к самой сущности научной деятельности.

Наиболее подходящим методом исследования проблемы понимания науки и критериев ее эффективности является в данном случае исторический анализ. Несмотря на достаточно распространенный тезис о крайнем рационализме классической философии, представляется, что наиболее полно идея неизмеримости науки как формы проявления внутренней свободы духа отражена в трудах одного из самых ярких и неоднозначных представителей немецкой классической философии И.Г. Фихте. В нижеследующем тексте мы рассмотрим

фихтевское понимание философии в контексте его учения о гении, которое зачастую упускается из виду исследователями философии великого немецкого мыслителя. Это рассмотрение должно продемонстрировать такой тип понимания науки, который не имеет никаких точек соприкосновения с тем способом отношения к науке, который заложен в наукометрических рейтингах. Тем не менее представляется, что именно фихтевский подход наиболее близок к истинному пониманию научной работы, поэтому исследование новых аспектов его понимания философии дает дополнительную аргументацию для корректировки существующих количественных моделей оценки эффективности науки. В этом смысле фихтевская философия и по сей день сохраняет свою актуальность, что не только диктует необходимость «исторического» изучения наследия великого мыслителя, но возвращает нас к мысли о важности и своевременности основного смысла и пафоса его философии.

Гениальность как регулятивный принцип философского познания

Проблема определения философии, выяснения ее предметной области и методологической опоры составляла серьезнейшую часть собственно философской деятельности И.Г. Фихте. По сути, Фихте начал свое философское творчество с того, что дал очертавание того, как он понимает философию и как необходимо непосредственно ею заниматься. В связи с этим в литературе достаточно распространена точка зрения об антиэстетизме и даже морализме Фихте. Например, Р. Гайм писал о фихтевском абстрактном морализме и стремлении к беспредельной свободе, что не могла удовлетворить эстетических стремлений раннего Шеллинга [Гайм, 2006, 532]. Создается впечатление, что Фихте просто прошел мимо третьей кантовской «Критики», ограничившись переосмыслением только лишь первых двух «Критик» Канта. С этой точки зрения оказывается совершенно непонятным утверждение, содержащееся в работе «О понятии наукоучения»: «...философ нуждается в смутном чувстве правильного, или гении, не в меньшей степени, чем поэт или художник, только в другом роде: последний нуждается в чувстве красоты, первый – в чувстве истины, которое несомненно существует» [Фихте, 1993, т. 1, 52].

Между тем понятие гения относится к числу наиболее важных эстетических понятий немецкой классики, и именно это понятие является ключевым для соответствующих разделов «Критики способности суждения», посвященных аналитике искусства. В другом не менее интересном тексте Фихте делает еще более радикальное, с нашей точки зрения, заявление. Это так называемое «Wissenschaftslehre nova methodo (1798/99)», на которое в русской исследовательской традиции мало обращают внимания. На самом деле это конспект лекций, которые Фихте читал в соответствующие годы в Йенском университете. Для нас примечательны буквально последние фразы этого текста: «философ должен обладать эстетическим чувством, т. е. «духом» (поскольку без этого ему не удастся поднять себя на трансцендентальную точку зрения). Это не означает, что философ необходимо должен быть

поэтому писателем или превосходным оратором. Однако он должен быть оживлен тем же самым духом, который, будучи обработанным, служит для того, чтобы развивать кого-либо эстетически. Без этого духа никто не сможет сделать себе путь в философию, но ему придется носиться лишь с одной только буквой без проникновения в их внутренний дух» [Fichte, 2013, 474, www].

Между понятиями «гений», «эстетический дух» или вообще «дух» и «жизнь» имеется у Фихте твердая связь – как, впрочем, отчасти и у Канта. Более того, можно утверждать, что, с точки зрения Фихте, эстетическое чувство, или гений, без которого невозможно подлинное искусство, является также необходимой составляющей всех тех качеств, которые он (Фихте) предъявляет к философу. В работе о «О понятии наукоучения» Фихте конкретизирует, что таковой гений есть чувство истины. Т. е. это в данном случае как бы особый модус гениальности применительно к философии. Воспроизведем кратко ход фихтевских рассуждений. Фихте указывает, что предметом философии является сам человеческий дух или просто действия интеллигенции. Они уже имеют всегда и форму, и содержание. Задача философа в том, чтобы посредством проявления свободы, также акта Я, «возвести к сознанию образ действия вообще» [Фихте, 1993, т. 1, 50]. Само это действие интеллигенции есть форма, поэтому все действия интеллигенции как предмет философии возводятся в некую новую форму, а поскольку это новое качество материала духа связано с сознанием, то Фихте говорит о форме сознания. Таким образом, философия возводит деятельность интеллигенции к форме сознания. Это Фихте называет рефлексией. Однако рефлексия невозможна без абстрагирования или отвлечения. А именно: необходимо в смешанной данности духа, когда все его действия хаотичны, отделить от всей массы чистые, необходимые действия Я. В целом эта процедура называется Фихте рефлектирующим отвлечением: отвлечение действия интеллигенции от всего того, что не есть она, и выделение четкого порядка в структуре ее деятельности. Сам эта операция понимается Фихте также как действие интеллигенции, как проявление ее свободы, поэтому философия оказывается для него актом свободы человека и актом его самопознания, при котором познается не столько даже сам человек, сколько сам мир.

Но возникает вопрос, как и на основании чего проводить это рефлектирующее отвлечение. Мы должны заранее иметь правила рефлектирующего отвлечения. Однако в данном случае мы сталкиваемся с явным порочным кругом. «Как знает философ, что он должен принять как необходимый способ действия интеллигенции и что он должен оставить как случайное? Этого он безусловно не может знать, пока не возведено к сознанию то, что он еще только должен возвести к нему, что было бы противоречиво. Следовательно, для этого действия нет никакого правила, и не может быть никакого правила» [там же, 52].

Именно здесь, в примечаниях, Фихте вводит понятие «гений». Оказывается, что нас в этой деятельности ведет наше *смутное чувство истины*, или гений, который указывает нам направление движения. И именно в таком ключе Фихте предлагает понимать историю философии: «Все философы стремились к указанной цели, все хотели отделить рефлексией

необходимый способ действия интеллигенции от ее случайных условий; и все действительно отделяли ее, только более или менее чисто, более или менее полно. В целом же философская сила суждения двигалась все дальше вперед и все ближе подходила к своей цели» [там же, 53]. Не имея истину, мы имеем *чувство* истины, которое указывает нам направление нашей философской деятельности.

Аналогичный ход мысли мы можем найти в лекционном курсе за 1794/95 годы, который имеет название «О различии духа и буквы в философии». Однако здесь есть и ряд новых смыслов. Общая тема лекций – понятие духа и необходимость этой способности для философа. Именно в этих лекциях понятие чувства истины, которое оказалось для Фихте тождественным понятию «гений», максимально сближается с понятием «дух». Фихте прямо заявляет о том, что чувство, или стремление к истине, есть дух: «... в качестве средства выступает стремление к истине, которое, если его дают образовать и образуют, становится чувством истины. Предчувствие того, что тут или там должно нечто быть; что, чтобы найти, нужно идти тем или этим путем. Нашли или не нашли, выигрыш есть в любом случае, в первом случае – истина, во втором – тот урок, что на этом пути невозможно ничего найти и что его следует вычестить из суммы путей, которые надо пройти. Кто не увидит того, что чувство истины есть не что иное, как чувство, и что для того чтобы им воспользоваться, нужно поднять его до сознания, сделать для себя внятными его намеки, по меньшей мере настолько, чтобы двинуться в указываемую им сторону; что ему, для возможности сделать хотя бы первый шаг к философии, принадлежит способность поднимать чувства до сознания, т. е. то самое, что мы в узком смысле слова называли духом?» [Фихте, 2012, 342].

Согласно Фихте, таковым духом обладали все великие философы – основатели философских течений. Они постепенно приближались к истине именно под руководством своего гения. Однако Фихте подчеркивает, что философский гений лишь указывает истину, а не дает ее, поэтому возлагать все на его счет нельзя. Чувство истины должно быть развито, доведено до сознания, но оно не творит философию, а выступает только лишь в качестве пусть даже необходимого, но все-таки средства.

Философ, лишенный чувства истины, является, с точки зрения Фихте, «рассуждателем», или, как Фихте обозначает противоположность философскому гению во введении в «Основу естественного права согласно принципам наукоучения», это *формулярный философ*. Философский гений согласно этому произведению Фихте есть «талант находить в действовании и во время самого действования не только то, что в нем возникает, но и действование как таковое, соединять в одном схватывании эти совершенно противоположные направления и таким образом заставить с полнотой свой собственный дух» [Фихте, 2014, 9]. В общем, это определение гения, как ни странно, вполне согласуется с тем, как мы до этого описали чувство истины. Важно также отметить, что таковым гением является только истинный философ, в то время как все его многочисленные последователи оказываются лишь подражателями. Философ-гений оказывается тем, кого Фихте называет духовным человеком, т. е.

человеком, обладающим духом. В то же время пустые и бездарные последователи оказываются, наоборот, бездуховными. Так Фихте проводит как бы различие, или селекцию среди людей, хотя в потенции все люди являются духовными.

Ввиду вышесказанного очевидно, что для Фихте в основе философского познания лежит то, что в его терминологии называется гением или смутным чувством. Это совершенно внерациональное свойство, внутренне присущее субъекту познания. Пользуясь языком иррационалистической философии, можно было бы назвать эту черту человеческого познания интуицией. В основе философии поэтому лежит нечто, выходящее за пределы рассудочной логики, – особая способность, которая является лишь данностью и превышает возможности рационального знания. По своим итогам философия является тем или иным фактом, однако эти факты являются не более чем следом живой философской активности, направляемой чувством истины. Именно по принципу наличия либо в самой познавательной активности, либо в ее продуктах каких-либо признаков этого «смутного чувства» можно в подлинном смысле говорить о ее философичности и научности. С позиций, предлагаемых Фихте, наличие этой особой способности и признаков ее действия является абсолютным критерием для оценки научной значимости того или иного философского труда.

Идея гениальности и проблематика философского образования

На основе вышесказанного относительно роли, которую Фихте отводит гениальности в философском познании, становится понятной та программа философского образования и образования вообще, над которой Фихте особенно много работал. Рассмотрение проблемы образования важно в данном случае прежде всего тем, что это проливает свет на решение другой важнейшей проблемы – проблемы интерсубъективности, ведь ясно, что чувство истины является хоть и абсолютным, однако в то же время исключительно индивидуальным свойством духа, что создает риск солипсизма.

В связи с проблемой образования и, главным образом, его методологии Фихте постоянно повторял, что он ничего не может передать своим слушателям, что они воспринимают лишь букву, лишь вибрацию воздуха. Они лишь могут сами наделить смыслом то, что они воспринимают, и таким образом открыть истину. Поэтому невозможно никому передать идею, невозможно никому преподавать или передавать философию, а возможно лишь открыть самостоятельно философию в себе, к чему преподаватель может лишь побудить живым актом своего философствования. Это, конечно, напоминает следующие слова «Критики способности суждения»: «Идеи художника вызывают сходные идеи у его ученика, если природа снабдила последнего тем же соотношением способностей души. Образцы изящного искусства служат поэтому единственными средствами передачи этих идей потомству; а этого нельзя было бы сделать посредством одних лишь описаний (особенно в области словесных искусств); да и в них могут стать классическими только [образцы] в древних, мертвых и теперь только в науке сохранившихся

языках» [Кант, 2006, 240]. То есть художника-гения невозможно просто обучить – ведь обучение есть подражание, то есть воспроизведение уже имеющегося, а важнейшей характеристикой гения является его полная оригинальность. Поэтому гения можно лишь побудить к совместному творчеству путем творчества того же уровня. Именно этого в данном случае требует Фихте и от философа. Фактически Фихте наделяет философа чертами кантовского гения, включающего такие признаки, как талант, оригинальность, образец для подражания. Хотя надо сделать оговорку, что Кант в третьей «Критике» отказывает науке в гениальности, а Фихте понимает философию именно в качестве науки – хотя и особой. И, во-вторых, одной из ключевых характеристик кантовского гения является его, как писал Шеллинг, наивность, то есть бессознательность, поскольку художник-гений не знает, что он творит. У Фихте же речь о том, что все-таки чувство истины должно быть доведено до сознания, хотя он и характеризует это чаще как именно смутное, то есть *неосознаваемое чувство*. Тем не менее именно на базе так понятой философии – философии как проявления гениальности – Фихте и предлагает выстраивать философское образование и образование вообще. Относительно первого можно привести следующую цитату: «Вот философия, к которой устремлены и должны стремиться все наши спекуляции. Не заблуждайтесь, уважаемые господа, все, что я или какой-нибудь преподаватель может Вам преподать, это не философия. Может быть, для нас, если только мы сами обладаем ею, передать же ее вовне мы не можем. Все наши философемы суть тела, и ничего, кроме тел, которые мы передаем Вам, чтобы Вы с их помощью развили философию в самих себе из самих себя и посредством самих себя. Но без этих тел это не может произойти» [Фихте, 2012, 337]. Внешнее воздействие играет в данном случае лишь вспомогательную роль, в то время как основной акцент делается на внутреннюю самостоятельную активность субъекта по раскрытию тех внутренних духовных возможностей, которые заложены в нем самом. В основе же этой активности лежит собственный гений, выполняющий для познающего роль молчаливого путевода в царство истины. Познавательная активность одного субъекта побуждает активность другого, причем таким образом формируется общность, в которой у всех членов отношения сохраняется собственная индивидуальность. Из индивидуальной активности каждого абсолютного Я рождается их духовное общение и взаимодействие. Хотя надо отметить, что все-таки из этого рассуждения не совсем ясно, благодаря чему в точности формируется общность ряда совершенно разных и изолированных друг от друга субстанций. Поэтому в философии Фихте проблему интерсубъективности нельзя считать окончательно решенной.

Заключение

Фихтевское понимание философии как деятельности, основанной на гениальности, или чувстве истины, направлено на интерпретацию философии как активности, в которой решающее значение имеет нерациональная составляющая. В основе науки лежит, с одной стороны, свобода как абсолютная спонтанность воли, которая приводит в движение познавательные способности,

а с другой – смутное чувство, которое направляет их на истину и оживляет процесс научной деятельности, превращая ее в непрерывное творчество. Воля как проявление свободы обеспечивает сам факт научной деятельности, а чувство истины ее направляет и выступает инстанцией, гарантирующей достоверность, объективность и истинность результатов этого процесса.

В этом смысле именно чувство истины, которое оказывается в чем-то сродни акту интуитивного напряжения, является показателем эффективности деятельности ученого. Важно понять, что в данном случае чувство истины, или гений, не отвечает собственно за познание, которым занимается непосредственно разум, но выполняет по отношению к нему роль регулятивного принципа, оживляющего процесс познания. Без этого наука оказалась бы «слепа» в своей работе. Гений превращает науку в жизненный акт и творчество и выступает пробным камнем истины, дополняя рациональное познание. Таким образом, эффективность ученого как творца определяется наличием у него гения как внерационального принципа его работы, дополняющего разум как главный инструмент познания. Но это тот самый принцип, который не поддается никакой математической обработке. Никакая наукометрическая оценка никогда не сможет отразить степень гениальности ученого. А поскольку именно это обстоятельство отличает подлинного мыслителя от «формулярного философа», то наукометрия не в состоянии выявить истинную науку и всегда будет ограничиваться оценкой не более чем формальных признаков научности. Наукометрия всегда фиксирует лишь внешние признаки науки, но она не отражает суть научной работы, которая немислима без творчества и гениальности каждого ученого как уникальной личности. Именно поэтому единственная возможная роль наукометрии может быть ограничена только лишь вспомогательными функциями сбора и анализа информации, а фундаментальное значение при оценке эффективности деятельности ученого должно отдаваться экспертным заключениям, основанным не на количественных показателях, а на собственном компетентном суждении ученых, предполагающем наличие у оценивающего научного гения. В таком случае главным критерием эффективности науки выступает научный гений, и оценку науки должны производить исключительно те, кто сам обладает такого рода способностью, а задача системы оценки эффективности должна заключаться лишь в том, как привлечь таких ученых к делу управления наукой. В этом заключается, по нашему мнению, прорыва и актуальность выводов философии Фихте.

Наукометрия, в свою очередь, подлежит, как мы полагаем, не исключению из сферы управления наукой, а возвращению в свои границы и приведению к своим исходным целям. Ведь, как известно, индекс цитирования (SCI), изобретенный Ю. Гарфилдом в 1964 году, был изначально предназначен только лишь для облегчения научной коммуникации: как пишет Ю. Гарфилд, SCI «был нацелен на улучшение распространения и распределения знания и на поиск необходимой информации» [Garfield, 2016, www]. Именно этими целями наукометрия и должна ограничиваться, в то время как распространение этой методики оценки на всю науку и возведение ее в ранг последнего арбитра в отношении ценности научных работ представляется неоправданной попыткой изменить само понимание науки, приводящей к

полному выхолащиванию основного смысла науки, что, в конечном счете, может принести ей исключительно вред. Внимательное чтение и осмысление наследия мыслителей прошлого может в данном случае, по нашему мнению, оказать помощь в предотвращении или минимизации последствий столь вредного для науки мышления.

Библиография

1. Гайм Р. Романтическая школа. СПб.: Наука, 2006. 893 с.
2. Кант И. Критика способности суждения. СПб.: Наука, 2006. 512 с.
3. Мотрошилова Н.В. Система РИНЦ применительно к философским наукам // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 3-17.
4. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Высшая школа экономики, 2010. 304 с.
5. Фихте И.Г. О различии духа и буквы в философии // Иваненко А.А. Философия как наукоучение: генезис научного метода в трудах И.Г. Фихте. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 313-350.
6. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М.: Канон+, 2014. 392 с.
7. Фихте И.Г. Сочинения. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. 687 с.
8. Шиповалова Л.В. Эффективность науки как философская проблема // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 19. С. 7-18.
9. Fichte J.G. Foundations of Transcendental Philosophy. (Wissenschaftslehre) nova methodo (1798/99). URL: <http://lib.free-college.org/view.php?id=776911>.
10. Garfield E. Tracing the influence of J.D. Bernal on the World of Science through Citation Analysis // Presented at the Irish Association for Crystal Growth Conference & Bernal Symposium on Protein Crystallization. University College Dublin, 2007. URL: <http://garfield.library.upenn.edu/papers/bernalublin0907.pdf>

Philosophy and efficiency: a case of the German idealism

Victor A. Kupriyanov

Postgraduate,

Institute of Philosophy,

Saint Petersburg State University,

199034, 5 Mendeleevskaya liniya, Saint Petersburg, Russian Federation;

e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Abstract

The article scrutinizes the idea of efficiency of science and concretizes the concept of scientific efficiency. The author admits that the main problem of the accepted system of the elevation of the science perfection concerns the basic understanding of the notion of science. Thus, with the clarification of the notion of science the research aims at the correction of the accepted notion of science efficiency and at the formation of a new way to define the concept of science efficiency. The essential method the author used to research the problem in question implies a detailed historical analysis of I.G. Fichte's creative works. Fichte presented the comprehensive doctrine of philosophy based on the concept of genius. In Fichte's opinion, genius serves as a means to direct our cognition towards truth, which, thus, gives him an opportunity to consider genius as the sense of truth. This fact means that genius is not only an indispensable element of science but also its fundament forming its very notion. That is why it is acceptable to define science efficiency by the concept of genius and to use it as a basic criterion in the evaluation of science perfection. At the same time, the above-mentioned approach compels us to refuse scientometrics as a main means of science evaluation and to reduce it to its original function of the science information system.

For citation

Kupriyanov V.A. *Filosofiya i effektivnost': sluchai nemetskogo idealizma* [Philosophy and efficiency: a case of the German idealism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 5 (5A), pp. 64-74.

Keywords

Efficiency, German philosophy, philosophy, scientometrics, evaluation, humanities.

References

1. Fichte J.G. *Foundations of Transcendental Philosophy. (Wissenschaftslehre) nova methodo (1798/99)*. Available from: <http://lib.free-college.org/view.php?id=776911> [Accessed 10/09/16].
2. Fichte I.G. (2012) O razlichii dukha i bukvy v filosofii [About the difference between spirit and letter in philosophy]. In: Ivanenko A.A. *Filosofiya kak naukouchenie: genezis nauchnogo metoda v trudakh I.G. Fikhte* [Philosophy as science of knowledge: the genesis of the scientific method in the works by I.G. Fichte]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
3. Fichte I.G. (2014) *Osnova estestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya* [The basis of natural law according to the principles of the science of knowledge]. Moscow: Kanon+ Publ.
4. Fichte I.G. (1993) *Sochineniya* [Selected works], Vol. 1. Saint Petersburg: Mifril Publ.

5. Gaim R. (2006) *Romanticheskaya shkola* [The Romantic school]. Saint Petersburg: Nauka Publ.
6. Garfield E. (2007) *Tracing the influence of J.D. Bernal on the World of Science through Citation Analysis* // Presented at the Irish Association for Crystal Growth Conference & Bernal Symposium on Protein Crystallization. University College Dublin. Available from: <http://garfield.library.upenn.edu/papers/bernalublin0907.pdf> [Accessed 10/09/16].
7. Kant I. (2006) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of judgement]. Saint Petersburg: Nauka Publ.
8. Motroshilova N.V. (2012) Sistema RINTS primenitel'no k filosofskim naukam [Russian scientific citation index in reference to philosophy]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 3, pp. 3-17.
9. Ridings B. (2010) *Universitet v ruinakh* [The University in ruins]. Moscow: Higher School of Economics.
10. Shipovalova L.V. (2015) Effektivnost' nauki kak filosofskaya problema [The effectiveness of science as a philosophical problem]. *Mysl': Zhurna lPeterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Thought: History of the St. Petersburg Philosophical Society], 19, pp.7-18.